

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...

ОКАЗЫВАЕТСЯ, чертополох очень красив. Из высокой каменной вазы — знаете, такие бывают в старинных парках, — стройно вытянулся его пушистый, тщательно обработанный и засушенный куст. Входишь в комнату, и он бросается в глаза — так неожиданно это растение в московской квартире.

Правда, здесь, в кабинете Касьяна Голейзовского, привлекает внимание и многое другое — картины мастеров, редкие книги, большой архив. Но радостно поражает прежде всего облик самого хозяина. Замечательный хореограф, известный реформатор балета теперь на пенсии. Однако жизнь его так наполнена, так творчески активна, что невольно думается: при чем тут старость?

В издательстве «Искусство» скоро выходит книга-альбом Л. Жданова «Мгновение», посвященная Голейзовскому. Видимо, это название выбрано не случайно. Мгновение подчинено ритму живой жизни, а значит оно прекрасно, как прекрасен ритм нынешнего дня. Эта убежденность Касьяна Ярославовича отражена в фотографиях его скульптур и рисунков, в его стихах. Так же, как отражается она постоянно и в сценических созданиях Голейзовского — в своеобразном и необычном характере поставленных им танцев, в их эмоциональной насыщенности.

Касьян Ярославович пишет стихи чуть ли не с 12 лет. Когда-то их даже читали с эстрады известные артисты. Мой собеседник перечисляет: «Ермолова, Пров Садовский, Верочка Холодная...». Знаменитые, давно ушедшие имена — их трудно сочетать сейчас с ним самим — удивительно жизнедеятельным и — сегодняшним!

Занятия музыкой, живописью и скульптурой, спортом для Голейзовского существовали всегда, как разные грани «искусства искусств» — хореографии. В них — часть его жизни, органически необходимая и по сей день. Но стояло только юноше заинтересоваться чем-либо вне искусства, как, не уходя от профессии, от танца, он садился за книги и изучал досконально — медицину (специализировался на психиатрии), химию, биологию, не говоря уж о гуманитарных науках.

— Сколько вы знаете иностранных языков? — Касьян Ярославович смущен и как будто сбивается со счета: не считая французского и польского — на этих языках часто говорили в семье, он изучил почти все европейские и несколько восточных — турецкий, иранский и любимый — таджикский (оказывается, Александр Македонский считал таджиков лучшими танцовщицами мира).

Голейзовский постиг и многие ремесла, например кулинарию. «Знаю рецепты трех кухонь — русской, польской и чешской, — не без гордости говорит Касьян Ярославович. — Полгода даже практиковал в ресторане «Мартья-

ныч» — был когда-то такой в подвалах нынешнего ГУМа».

До глубокой осени Касьян Ярославович бродит по приокским деревням, дружит со старожилами и «упойтельными» мальчишками, записывает местные сказки, песни, говор, смотрит пляски. Впечатления преобразуются в скульптуру, и возникают зримые образы русских сказок, своеобразные маски из пластилина — «лесные чуда». Скульптор показывает их потом рассказчику или певцу: «Гляди-ка, вот он твой Хохотун-аука!». Но надолго ли может сохранять форму мягкий пластилин? «А я, — отвечает на мой вопрос Касьян Ярославович, — придумал как-то химический состав. Смажешь им готовую работу, и пластилин становится твердым, как камень».

Голейзовский много пишет. В 1964 году вышел в свет толстый том «Образы русской народной хореографии». Однако Касьян Ярославович не удовлетворен этим изданием. У него уже подготовлено к печати нечто большее — двухтомник, условно названный «История русской жизни». Конечно, немалое место в этих книгах займет и хореография: ведь «в танце так ярко выражена душа народа!». Издавна увлеченный искусством народов Средней Азии, автор недавно закончил еще один труд — «Согдиана, Бактрия и Хорезм» — о поэтах, певцах и танцорах Востока с древности вплоть до начала XX века.

Трудно рассказать обо всех увлечениях и занятиях моего собеседника. Их очень много, помимо профессии, с которой он отнюдь не расстанется. Но главное увлечение Голейзовского, истинная и непреходящая его любовь — это люди. Смотрю рисунки балетмейстера к «Лейли и Меджунун» — готовясь в прошлом году к постановке этого балета на сцене Большого театра, он «увидел» и графически изобразил музыку танца. Но не отвлеченно, а применительно к конкретным исполнителям — Н. Тимофеевой и В. Васильеву.

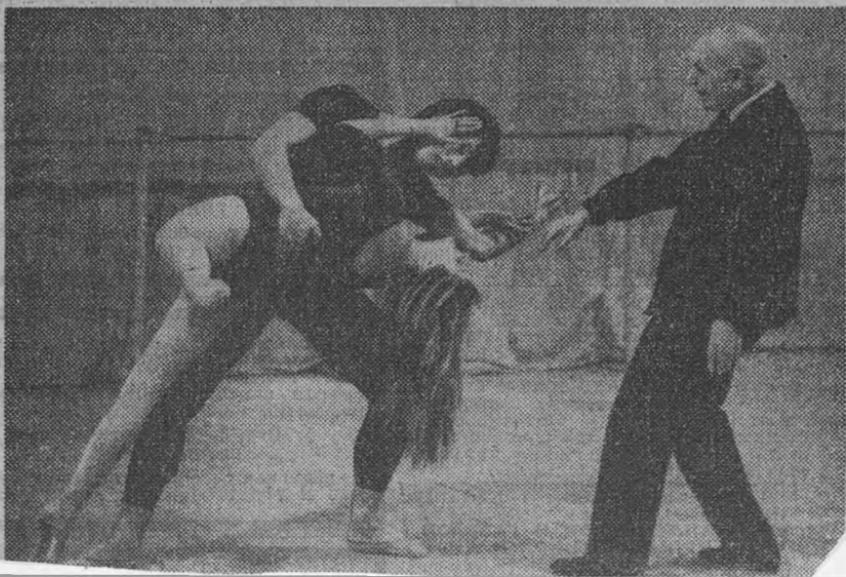
Добиваясь наибольшей пластической выразительности человеческого тела, Касьян Ярославович всегда стремится воссоздать на сцене живые характеры и чувства. «Наша хореография, — говорит он, — подобна высшей математике, когда цифра, то есть техника танца, превращается в понятие и сама по себе уже не существует».

Образы людей выразительно оживают и в его небольших статuetках. Вот скрипач — с вдохновенным выражением лица, с темпераментно изогнутой фигурой. И кажется, что в этот образ вложены черты, присущие самому автору. Та же, что у Голейзовского, одержимость, беспредельная, непокорная возрасту поглощенность творчеством и жизнью.

А. КЛЕВАНСКАЯ.

**НА СНИМКЕ: К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ
ведет репетицию.**

Фото Ю. ЗЕНКОВИЧА.

11 ВЕЧЕРНИЙ МОСКВА
15 МАЯ 1969
Г. МОСКВА